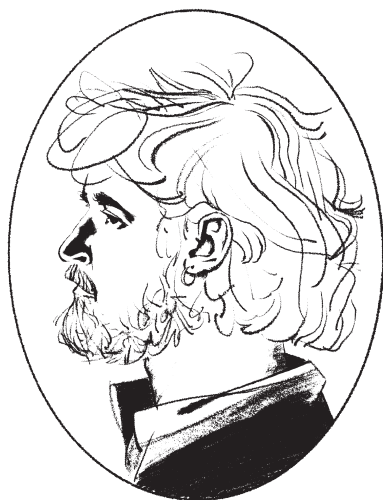

Кирилл Александров Дом, который не строил

Князев и Мисюк
Санкт-Петербург

Посвящается моей бабушке
Л. А. Александровой
и моему вечному другу
Васе Бородину

Оглавление

			Парагвай		
		XIV	Me costo un huevo		150
			Уругвай		
		XV	Вязнущие в янтаре слова		160
			Бразилия		
		XVI	Бесконечная вегетативная пляска		165
		XVII	На кромке ритуального круга		172
			Колумбия и всё, что после		
		XVIII	Протей остаётся Протеем		184
		XIX	Порталы живого опыта		193
		XX	Музыкальная топография		206
	Предисловие автора	6			
	Предисловие издателя	8			
	Перу				
I	Карма и праксис для Гекльберри Финна	10			
II	Девочка по имени Соледад	19			
III	Los soliteros	31			
IV	Маисовый багет и чича морада	42			
V	Новогодняя (де)индивидуализация	53			
	Чили				
VI	Разница потенциалов между нашими loneliness и emptiness	63			
VII	Cuba libre?	76			
	Патагония				
VIII	Мизансцена дорожного ситкома	80			
IX	Патагонская акро-йога	89			
X	Жизнь, как она задумана	97			
	Аргентина				
XI	То ли радуемся, то ли просто не грустим	110			
	Боливия				
XII	Кумбия незаслуженного рая	119			
XIII	Плетёный быт и психика джунглей	141			

Предисловие автора

В ноябре 2018 года мой близкий друг, поэт Влад Гагин, прислал мне несколько фрагментов своего дневника. К тому моменту я уже около трёх месяцев путешествовал по Латинской Америке — перемещался в основном автостопом и пешком, ночевал в палатке или у местных жителей, лавировал между природой и культурой, работал волонтером в разных проектах, осваивал испанский язык. Влад предложил попробовать начать вести свой дневник, я согласился и подробно описал пару дней своего пребывания в перуанских Андах, где тогда находился (и откуда начинается повествование в книге). Это оказалось интересным опытом, так как ранее я писал всё что угодно, кроме дневников.

Так я завёл Telegram-канал *lonelyempty* об альтернативных практиках существования, пустоте и одиночестве, где путевые заметки обросли слоями рефлексии, размышлений, флешбэков, языковых игр и просто наблюдений за природой и жизнью человека. В обращениях к прошлому проступили очертания отсутствующей в дневниках части путешествия — Куба, Мексика, Колумбия и Эквадор, постепенно начали всплывать и более ранние события — автостопные трипы по России и Европе, среднеазиатское детство, жизнь в Уфе, Питере, Москве, в то время как в настоящем разматывались клубки активных социальных взаимодействий и заплетались нити многодневных соло-походов.

Иногда я делал записи регулярно, иногда пропадал на месяцы — ритм повествования в целом отражает до сих пор не стабилизировавшийся ритм мышления: от бесконечных фрактальных фигур нейронных плясок до полной остановки внутреннего диалога по заветам мудрых лам.

После Перу я отправился в Чили, потом четыре месяца пробыл в Патагонии, через всю Аргентину проехал до Боливии, где чуть не остался жить, далее были Парагвай, Уругвай и Бразилия, где вновь был близок к тому, чтобы остаться. Сплавившись по Амазонке до Колумбии, я закольцевал траекторию движения по континенту, встретился со старыми друзьями и улетел в уже знакомую Мексику, несколько дней в которой стали прощальными в этом полуторагодовом путешествии. В Россию я вернулся только в марте 2020-го, за

неделю до введения жёстких антиковидных ограничений (причём моё возвращение с пандемией никак связано не было — просто пришло время). Вскоре вновь обратился к заметкам, опубликовал несколько материалов в разных интернет-журналах и даже составил плейлист путешествия с кратким комментарием к каждому треку по просьбе/совету моей подруги Кристины. Чуть позже появилась идея собрать все эти тексты вместе и посмотреть, что будет, — так появился прототип этой книги. В Южной Америке я не переставал писать стихи, и часть поэтических текстов также вошла в это издание.

Не думаю, что можно однозначно определить, что из описанного — альтернатива, а что норма, о какой пустоте идёт речь, что такое одиночество и хорошо это или плохо, а также что есть дом и так ли он нужен. Все нужны и важны, и всё бессмысленно настолько, что и говорить об этом смысла немного. Но есть конкретные эпизоды жизни, конкретные люди и звери, судьбы, чувства и их сочетания, и всё это может быть интересно — хотя бы на уровне географии, химии, психологии, ИЗО и ОБЖ, не говоря об антропологии и нейробиологии. А иногда даже на уровне фонетики (здесь неслучайно так много сносок и рассказов об испанском языке), на уровне символа, жеста, взгляда. История как кувыркающаяся радужная пружинка и одновременно как что-то, что можно просто рассказать.

Как перестать идти и самому стать путём — я не знаю. Так же, как не знаю, как перестать строить дом и самому стать домом. Но об этом можно попробовать подумать, а потом начать делать, или наоборот. Или одновременно. Книга — и есть такая попытка.

Долго я не мог ничего придумать в качестве предисловия. Но сам автор великодушно и настойчиво просил меня что-нибудь написать, так что держу слово.

Первое, что нужно знать нашему дорогому читателю: автор — мой хороший и давний друг. Что называется, без конфликта интересов не обошлось. К счастью для моей совести, книга совсем не стыдная — это вообще определяющий критерий нашей работы. Мы настолько маленькое и наивное издательство, что корпим над книгами по полгода, отбирая материалы, иллюстрации, шрифты... Конечно, это игра в вымышленного Роберто Калассо, Вилли Виганда или Уильяма Морриса, как бы высокопарно это ни звучало. «Князев и Мисюк» — это издательство-ретротопия, если угодно, по мотивам эстетики XX века, которой никогда не было.

Но я отвлёкся. Не думаю, что здесь уместна моя оценка текста, поскольку он документальный. Это дневник интуитивного путешественника, где описаны полтора года скитаний по Южной Америке вперемежку с воспоминаниями о других походах. Фрагментарность, ветвистость, настойчивую непоследовательность истории мы хотели выделить особо — с этим связано внутреннее оформление с «пляшущими абзацами» и «форточками» (так называли маленькие врезки в тексте). Всё сделано для того, чтобы читатель мог начать читать с любого места (и зачитаться). Это не совсем non-fiction и не до конца художественная литература, поэтому мы могли позволить себе не классическое оформление, привычное нашим читателям, а некую книжную деконструкцию. На наш взгляд, удачную. За типографическую игру — огромная благодарность дизайнерке Варе Кабановой, ввязавшейся в эту авантюру и вышедшей из неё победительницей.

Хочу отметить и работу моего коллеги и художника, сооснователя издательства, Артёма Мисюка. Иллюстрации встроены в текст как маргиналии — в тех местах, где их мог бы набросать и сам автор во время похода. Гравюра на обложке — это отдельная история. Во-первых, мы как обычно перебрали добрую дюжину вариантов, а во-вторых, её эскиз нарисован в соавторстве с тремя разными нейросетями. Артём собрал удачные варианты в один рисунок и вырезал в линолеуме.

Особое *muchas gracias* Тане Орловой, внимательной редакторке, перечитавшей и, кажется, переписавшей книгу полтора миллиона раз. Во многом она и послужила двигателем всей этой истории, особенно учитывая наши обычные черепаши темпы.

Честно говоря, я сомневался, этично ли братья за издание книги друга. Может, некоторые посчитают, что издавать друзей — это дурной тон (хотя об этом добрая половина истории литературы), однако издателю в любом случае нужно наладить хорошие отношения со своими авторами (и не ради денег, что вы, откуда они у российских издателей). Ведь только тогда и получатся книги — тёплые, неоднозначные, уникальные (или хотя бы с замахом в ту сторону).

Если бы Кирилл Александров написал полную чушь, я бы, может, и не осмелился ему отказать в издании. Но точно убрал бы свою фамилию и нашу марку. За «Дом, который не строил» я горд. Надеюсь, он приглянется и вам, дорогой читатель.

Р. Князев

Проснулся около шести утра в недостроенном загородном доме Эдвина — перуанского гида, у которого вписывался по каучсерфингу в Уарасе¹. На завтрак решил избавиться от заваливающейся в рюкзаке пачки лапши быстрого приготовления, так как хотелось побыстрее стартовать в трек — планировал пройти около 15 км по реке Кохуб, после чего перевалить через один из хребтов Кордильер и вернуться

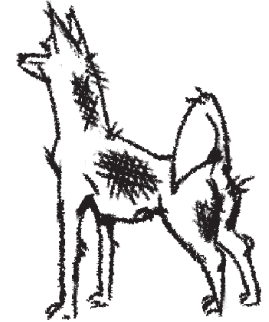
2 Кéчуа, также кечва, кичуа, кичва (кечуа Qhichwa shimi — «язык горных долин», кечуа Runashimi — «человеческий язык») — язык южноамериканского индейского народа кечуа, сейчас на нём говорят преимущественно в Эквадоре, Перу и Боливии.

в Уарас по тропе вдоль другой реки с трудно запоминаемым названием на кечуа² — Килкайуанка. Всё это должно было занять два-три дня при учёте, что каждый вечер здесь идут дожди и в целом погодные условия в это время года не самые благоприятные для пеших походов. В общем, наскоро позавтракал, заварил термос свежеекупленного анисового чая (ещё оставался колумбийский

кофе, но на четвёртый месяц путешествия захотелось разнообразия), довольно быстро собрал рюкзак и уже практически был готов выходить, как из города вернулся Эдвин. Немного поговорили, я посоветовал ему не ждать, пока будет готов сайт его проекта (загородный дом на самом деле должен был стать чем-то вроде отеля для туристов), и через специальные сервисы призвать на помощь в строительстве и благоустройстве волонтеров, которые и сайт, кстати, могут сделать. Он заинтересовался идеей, протянул мне ручку и картонную коробку из-под лампочек, на которой я написал ему по памяти несколько сайтов для публикации волонтерских проектов.

1 Уарáс (исп. Huaraz) — город в Перу, административный центр департамента Анкаш. Расположен в горной части страны (также называемой «сьерра»), на высоте 3000 метров над уровнем моря, недалеко от национального парка Уаскаран.

На этом распрощались, и я отправился в дорогу. За мной увязалась собачка Эдвина и долго не хотела отставать, чем напомнила мне похожий эпизод из путешествия по Алтаю в 2015-м. Тогда мы с моим украинским товарищем Антоном решили посетить несколько соседних деревень в окрестностях кемпинга недалеко от Маймы, и с нами пошёл местный пёс, которого я назвал Баргузином. В какой-то момент мы решили попытаться счастья автостопом, и собака этому не способствовала, поэтому пришлось пса прогонять. Было довольно тяжело и неприятно шикать и бросаться камнями и палками в несчастного Баргузина, искренне недоумевающего, почему компаньоны вдруг сменили милость на гнев. В общем, собачку Эдвина мне в какой-то момент пришлось тоже довольно жёстко прогнать, потому что возвращаться этим путём я не планировал, да и, по словам хозяина, треки больше одного дня были ей не по силам.

По дороге через деревню мне встретился мальчик, который начал расспрашивать о маршруте. Почему-то с детьми на испанском разговаривать тяжелее — то ли взрослые делают мне поблажки, то ли дети перемешивают испанский с кечуа, то ли просто быстрее говорят; в общем, здесь я пока испытываю сложности. В итоге паренёк всё понял, пожелал удачи, и я двинулся дальше.

Первые пять километров дорога вела по холмам в сторону ущелья, где я должен был наконец достичь реки и дальше просто идти вдоль русла. Вокруг за холмами виднелись заснеженные хребты, уже, правда, переставшие удивлять, но местность была в основном зелёной и почему-то вызывала ассоциации с балканской природой, ярко показанной Кустурицей в «Завете» и особенно в последнем фильме «По млечному пути», который я недавно посмотрел в Эквадоре по совету сербского приятеля Ненада, полученному в мексиканском Канкуне.

Ещё забыл упомянуть, что всё это время с самого утра шёл дождь. К счастью, за день до этого я купил новый дождевик-пончо взамен старому китайцу, который достался мне от Таниной подруги и к тому моменту уже превратился в лохмотья. Не так давно под дождем пришлось конструировать себе костюм из подвернувшихся картонных коробок, чтобы не промокнуть насквозь, так как дождевик уже не спасал. Так что я был неплохо защищён, однако беспросветно серое небо

и туман, окутывающий горы и застилающий горизонт, что называется, искажали перспективу. Но мне было плевать. На входе в нацпарк обнаружил закрытые на замок ворота и начал было инспектировать стену на предмет удобного места для перелезания, но тут из стоящей неподалёку хижины вышел человек с ключами и без лишних разговоров с улыбкой открыл дверь и пожелал счастливого пути.

Через пару километров нашёл защищённое от дождя место под деревом с видом на реку и пообедал бутербродами с колбасой, которая давеча в честной борьбе победила сыр по цене-качеству на прилавке супермаркета, согрелся анисовым чаем и пошёл дальше. Ещё километра через три навстречу выехал мотоцикл с двумя пассажирами и, поравнявшись со мной, остановился. Водитель, уточнив, правда ли я здесь один (все уточняют), попросил меня предъявить билет в нацпарк. Я вежливо ответил, что про билеты ничего не знаю, иду себе и иду, никаких табличек не было, на входе тоже ничего не спросили. Он объяснил, что без билета я нахожусь на территории нелегально и все нормальные туристы идут в Уарасе в турагентство, покупают билет (один день стоит 30 солей, это около 9 долларов, а два дня с ночёвкой — 70 солей, это соответственно 21 доллар), их оттуда везут в нацпарк, всё показывают, объясняют и т. д. После недолгой беседы он понял, что нормальный турист — это не про меня, что денег на подобные расходы в моём бюджете не предусмотрено, но я при этом не собираюсь мусорить и вредить нацпарку, имею опыт волонтерства в подобных местах, и разрешил мне идти дальше, попросив, чтобы это было в последний раз. Причём это было не в первый — к Лагуне 69³ за несколько дней до этого я тоже ходил бесплатно, и работники нацпарка тогда проявили ко мне просто ультрадоброту, но это другая история. Мотоциклист с напарником были последними людьми, которые встретились мне на пути, и последующие сутки я был в полном одиночестве, не считая (считать следует, но я надеюсь, что контекст понятен) бесчисленных коров, мулов и лошадей, пасущихся вокруг.

Плеер почти подряд проиграл «Raining in paradise», «Desaparecido» Ману Чао и «Без меня» Гражданской обороны, и, в общем, ничего не оставалось, как медитативно раствориться в окружа-

3 Озеро 69 (исп. Laguna 69) — озеро на территории национального парка Уаскаран, на высоте 4600 метров над уровнем моря. У озера не было названия до создания парка в 1975 году. Необходимость включения всех озёр Уаскарана в список вынудила власти дать им имена на основе чисел, без традиционного названия на кечуа.

ющем, плохо вербализуемом пейзаже, и весь мир и земля убегали куда-то далеко-далеко вместе с рекой, водопадами от тающих ледников по обе стороны ущелья, камнями на дороге (здесь как всегда вступает Вася Бородин⁴: *камешек в башмаке долгая дорога где / камешки горсть земли долго ли коротко ли*),

4 Василий Бородин (3 июля 1982 — 9 июня 2021) — русский поэт, автор статей о современной поэзии.

и, действительно, дальше уже и добрый ослик без меня, и горький дождик без меня, вместе с сиренью, геранью, кактусами и эвкалиптами.

В какой-то момент среди всей этой воды и красоты вспомнился недавний опыт участия в ритуале аяуаски в колумбийской сельве⁵, а точнее — два отдельных эпизода. Первый связан с ощущением внутреннего тепла, когда я, немного замёрзнув, сделал было несколько шагов к ко- стру, но, почувствовав, что мне открыт доступ к внутреннему источнику энергии, вернулся под дерево, лёг на землю и начал генерировать как бы своё собственное тепло, которое моментально разлилось по телу. Самое удивительное, что способность эту удалось сохранить и после церемонии. На самом деле она всегда была и есть у каждого, как и многие другие — скрытые, забытые, потерянные, труднодоступные, заветные.

5 Сельва (исп. selva от лат. silva — лес) — влажные экваториальные леса в Южной Америке. Более простой пере-вод этого слова — «джунгли».

А второй эпизод такой. Кто-то, наверное, уже знает, что во время церемонии аяуаски в определённый момент тебя тошнит и пероральный катарсис практически неизбежен. Так вот я лежал на своей пенке где-то под деревом, наблюдал чёткий и яркий замкнутый цикл причин и следствий, действий, имён и случайных-неслучайных событий, после чего отполз на пару метров и опустошил желудок. В тот же момент дал о себе знать заработанный за пару дней до этого насморк, и вот я снова лежу на пенке — усы в соплях, борода и воротник рубашки в блевотине — и вижу, что это та же вода, что мы перегоняем через себя ежедневно (и ничем, по большому счету, кроме этого не занимаемся), и она ничуть не менее естественна, чем любая пища или напиток, и что всё это — одно и то же, и в природе цикл переработки воды такой же: в деревьях, в траве, в цветах, в животных, и в целом, что сопля, что блевотина, что нектар, что амброзия, что оса, что орхидея⁶ — всё прекрасное

и никакое при этом. И вся радуга цветов вокруг — и огонь костра, и небо над головой (звёздное беззвёздное удивительное), и зелень, и другие краски в сумме при быстром вращении дают белый, то есть то же самое ничто или всё (если ничто — это чёрный).

6 Оса и орхидея — один из образов, использующихся для описания понятия детерриториализации в концепции номадологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

Так и дошёл до места предполагаемой стоянки на берегу реки (всё, как любил твеновский Геккльберри Финн, только без удочек и Джима), в полутора километрах от озера Палкакоча. Нашёл укромное место за камнем подалее от дороги и начал раскладывать. Дождь усилился: пока ставил палатку, она успела немного промокнуть. Вынимая из рюкзака вещи, обнаружил, что и спальник намочил, и это не обещало ночью ничего хорошего. Готовить решил внутри палатки, чтобы заодно немного её прогреть. И, как назло, впервые в жизни перевернул кастрюлю из-за неустойчивости горелки. Варил я макароны пополам с киноа, местным аналогом овса, и если макароны собрал с пола за минуту, то с мелкой крупой возился долго. Варено при этом приобрело привкус подошвы бродяжьего ботинка, но мне было уже всё равно, плюс ощутимо помогла горчица. Кое-как протёр и высушил палатку изнутри и обустроил спальное место. Ругался на дождь и был эмоционален, но вторая бертранасселовская⁷ голова была рядом и спокойно улыбалась. Вскоре заулыбалась и первая.

Перед сном меня ждала очередная глава «В Патагонии» Брюса Чатвина на английском с рассказами про серую пустыню, гаучо⁸, валийских колонизаторов и останки бронтозавра. Когда выходил уже в темноте чистить зубы, наткнулся на рыбака на другой стороне реки.

Обменялись приветствиями, но сейчас уже не уверен, насколько он был реален — ночи в холодной палатке после долгого перехода прорывают какие-то странные дыры в под-сознании, и воображение часто довольно натуралистично достраивает реальность

вокруг, вплоть до того, что ты во сне можешь видеть, что палатка стоит посреди оживлённой площади или, наоборот, в пустыне, вокруг неё бродят роботы, койоты, индейцы, офисные клерки, ты даже иногда вступаешь с ними в коммуникацию, о чём-то

8 Термин «гаучо» (исп. gaucho, порт. gaúcho — гаушу или гаушо) — близительный эквивалент североамериканского слова «ковбой», появившийся в XVIII веке.

7 Концепция «множественных голов», иллюстрирующая уровни восприятия реальности, описана в книге Бертрана Рассела «Наше знание о внешнем мире» (Our Knowledge of the External World, 1914).

договариваешься, но наутро понимаешь, что выполнять договор необязательно.

27 ноября

Проснулся вновь около шести. Наутро небо было ясным, как в самый лучший день астронома, и обнаружилось, что из палатки видно ледник Палкарахау за близлежащими горами. Налюбовавшись, развёл костёр, не без помощи горелки, так как сухих дров и спичек было мало, и положил рядом с огнём сушиться ботинки, перчатки, носки и полотенце. Параллельно поставил варить свою любимую теперь кашу — овсянку с панелой (прессованный тростниковый сахар) — и проделал водные процедуры в реке. Упустил момент, когда резина на ботинках начала плавиться — типичная ошибка походника, о которой я знал, но. Теперь придётся чинить (позже обувщик в Чакасе сказал, что сделает всего за шесть солей, посмотрим).

Сверившись с навигатором и окружающим ландшафтом, понял, что план перемахнуть через хребет осуществить не получится — гора была отвесной, и подниматься нужно было почти километр. Судя по всему, маршрут возможен только в обратном направлении, т.е. с другой стороны склон более пологий, и по нему можно подняться, а по отвесному — спуститься. Плюс указанного на карте брода не существовало, и при попытке перейти реку промок по пояс, после чего в прибрежных кустах засадил по полусотне колочек в каждую ступню и решил просто посетить озеро и двинуться обратно знакомым маршрутом.

Спрятал рюкзак в зарослях и к озеру пошёл налегке. На берегу перекусил сушёным черносливом и заваренным с утра колумбийским кофе из термоса, записал видео и двинулся обратно. Думал над концепцией сайлент-блога, в котором не звучало бы никаких слов, только естественные звуки. У меня есть несколько сорокасекундных роликов, но во всех них чего-то не хватает. В интернете, кажется, уже слишком много видеоблогов с рассказами обо всём на свете, и хочется, наоборот, какой-то тишины туда добавить. Хотя, с другой стороны, давно есть таймлапс. В общем, надо подумать.

По дороге обратно сделал несколько остановок, разговаривал с животными, камнями и растениями, в основном благодарил, по примеру мексиканского приятеля

Луиса. Что-то есть в этом проговаривании благодарности (и сектантское тоже, да). Помню обсуждение из нашего телеграм-чата под названием «криптоштука», когда Лена рассказывала, как просила прощения у мусора, прежде чем выбросить — это что-то из этой серии. Также думал о своей идее строительства деревянных домов в труднодоступных местах (в духе изредка белго просматриваемых историй из паблика «или жизнь в лесу») и о том, что это место — одно из подходящих. В самой идее ничего нового нет, Антон Кротов, например, в России её уже реализовал со своими «домами для всех», но я вот хотел бы, возможно, за пределами России попробовать.

Также в этот день было 9 дней со дня смерти бабушки, много вспоминал о ней. Потом ещё подумал, что хотел бы связать Макса Стропова со своей знакомой из Мехико, чтобы заявить о российской ячейке партии мёртвых⁹ в самой подходящей для этого стране, где *día de los muertos* — это одно из главных в году карнавальных событий и в целом в культуре большое внимание уделено отношениям с мёртвыми (очень уважительным).

К вечеру дошёл почти до дома Эдвина, как вдруг решил лечь на камень и пролежал так примерно полчаса под солнцем, которое за весь день не скрылось

10 Пеонаж (исп. *peonaje*, фр. *réopage*, от исп. *peón* — зависимый крестьянин, батрак, пеон, букв. «пеший», «не имеющий лошади») — форма эксплуатации непосредственных производителей (преимущественно крестьян), основанная на превращении их в наследственных должников — пеонов, находящихся в кабальной зависимости от помещика или предпринимателя.

На следующий день меня ждёт дорога в Чакас через самый высокий в мире горный туннель, расспросы школьников про Россию (рассказал бы я им про Козака, Вайно и Кириенко, а также про отменённые концерты

9 «Партия мёртвых» — российский художественный проект, занимающийся антивоенным арт-активизмом. Проект был создан в 2017 году участниками арт-группировки {родина}. Как утверждают представители, в России смерть политизирована: например, в списках избирателей оказываются мёртвые, а голос мёртвых — это голос радикального равенства.

ни на минуту. Дома никого не оказалось, поэтому пришлось гостить на участке, не уведомляя хозяев, как я когда-то делал на виноградниках в Греции. Поставил палатку в укромное место, где трава погуще, развёл костёр под навесом и прилёг в привязанный рядом гамак. Отдохнув, сварил рис с тунцом, после чего часа полтора смотрел на костёр и на звёзды. Очередная глава про аргентинскую и французскую знать, пытающуюся захватить власть в Патагонии, чилийских пеонов¹⁰, перестрелки и беспредельную тоску, и я иду спать.

Хаски и ICЗРЕАК, но они любят реггетон — я тоже люблю после снятого Гаспаром Ноэ эпизода для «Гавана, я люблю тебя»), волейбол, индейцы и прекрасная феминистка Джессика, верящая в предназначение, но при этом соглашающаяся, что его можно только придумать. С ней мы говорили обо многом: мачизме, капитализме, коррупции, культуре воспитания детей, европейском университете, домашнем насилии и т. д., но уже много написал, пожалуй, на сегодня хватит.

*

Сам я, кстати, сейчас нахожусь в Куско — столице древней империи инков, вечно переполненной туристами и охотниками за их деньгами. На прилавках магазинов — инка-кола, инка-крекеры и прочий инка-блэджек, к Мачу-Пикчу или семицветной горе тебя готова отвести каждая встречная лама, а за двадцать солей сверху ещё и сделать массаж по дороге. Ничего не остаётся, как, пробравшись сквозь священные развалины и груды индейского рукоделия, выйти на окраину города, залезть на холм, углубиться в лес, разжечь костёр и включить «АукцЫон».

Но за костры ругает полиция, ведь всё вокруг святое, а сезон дождей то и дело напоминает о себе. Так что, видимо, меня всё же ждёт инка-кола или пшеничная «Кускенья»¹¹, закупка сухофруктов и орехов на рынке и сеанс «Аквамена», так как Триера здесь не показывают¹², а в кино хочется. У Джеймса Вана вроде тоже красивый миф про великую империю прошлого и яркие костюмы, как у инков.

11 «Кускенья» — марка перуанского пива, название происходит от города Куско.

12 В то время как раз вышел «Дом, который построил Джек».

*

Кстати, об Аквамене. Уже неоднократно в беседах со знакомыми поднимался вопрос о том, почему я смотрю фильмы про супергероев, ведь это, казалось бы, зашвар, попса и customers society. На это у меня есть два аргумента.

Во-первых, истории про супергероев, в большинстве своём основанные на комиксах, изначально штука довольно политичная, оказывающая влияние на общество от мала до велика и зачастую затрагивающая важные социальные проблемы. В определённые исто-

рические моменты в комиксах появлялись первый чёрный супергерой, супергерой-гей, в какой-то момент стало появляться больше женщин-супергероинь, находили своё отражение геополитические события. Самый известный, наверное, пример — «Хранители» с их вариантом развязки «холодной войны» и плачущим насильником и убийцей Комедиантом, орошающим своей кровью значок со смайликом. Моя подруга Яна из Минска в своё время защитила магистерскую по теме комиксов, и материала там — копать не перекопать. За мифами и спецэффектами иногда можно разглядеть реальные проблемы и, учитывая, что фильмы и комиксы — культура массовая, всегда интересно, что в них транслируется. Хотя, бывает и совсем говно, конечно, не без этого.

А во-вторых, что касается спецэффектов, каждый раз мы видим всё новые технологии визуализации, и мне всегда любопытно, где пролегал предел технологических возможностей современного кино, насколько с каждым разом расширяется этот горизонт и что нас ждёт в будущем. Недалёк момент, когда можно будет экранизировать совсем кислотные вещи, как, например, «Города красной ночи» Берроуза. А там и до «Равинагара» Романа Михайлова доберёмся.

*

Раз вспомнил о «Равинагаре», где речь идёт об Индии, то приведу ещё одну ассоциацию. Хотя Индия здесь ни при чём, как и «Родина» Буслова с её МакарМакарМакар. Поток ассоциаций уже превращается во что-то похожее на записную книжку Казобона, героя романа «Маятник Фуко» Умберто Эко, и надо, наверное, в какой-то момент остановиться.

Когда ехал из Лимы в Куско по панамериканскому шоссе, в первую ночь попросился поставить палатку на одном из придорожных участков: где-нибудь, где поровнее и поближе к будке самой большой собаки. Мне, конечно, разрешили, после чего долго разглядывали снарягу, расспрашивали, кто, откуда, какого цвета у меня глаза и натуральный ли цвет волос. Потом спросили, не голодный ли я и, получив честный ответ вместо вежливого, принесли гигантскую тарелку с рисом, чечевицей, мясом цыплёнка и салатом. На фоне того ужина, который я планировал приготовить сам, приём пищи получился царским. Наутро за завтраком ситуация повторилась. Протягивая тарелку, женщина,

приютившая меня, сказала, что у неё есть взрослые сыновья, которые сейчас где-то далеко, и что она верит в карму. Что, мол, она помогает мне, а там где-то кто-то поможет её сыну. Про карму говорил и Нино, у которого я жил в Лиме, и Освальдо, у которого сейчас вписываюсь в Куско. Всё не зря, всё возвращается, поэтому они помогают путешественникам, а потом им воздастся.

Так вот мне эта концепция не очень нравится, есть в ней что-то капиталистическое и отчуждающее, какой-то ненатуральный обмен, hospitality как товар. «Ты мне, я — тебе» зачастую довольно странно работает. Совсем извращённый пример — это когда в свободных отношениях, узнав о сексе партнёра с другим человеком, другой пытается тоже скорее переспать с кем-нибудь, чтобы как бы сравняться, вернуть «должок». Это что, тоже карма? Тот случай, когда в простом и, казалось бы, зеркальном механизме зеркала оказываются кривыми. Нечем здесь обмениваться, всё работает гораздо сложнее.

Но это не значит, что не надо помогать друг другу. Я, например, не верю в карму. Я верю, во-первых, в солидарность. А во-вторых, в аристотелевский «праксис». Делаю/помогаю, просто потому что могу.

А когда не могу, соответственно, не помогаю. Ну, когда совсем не могу. Мы же не супергерои, которые, кстати, о карме тоже задумываются в последнюю очередь, а их установку на аристотелевский праксис можно переформулировать так: «я помогаю, потому что а хули делать». Как-то так.

II

Девочка по имени Соледад

Вчера вечером, мой кубинский друг Мигель, он же Миша, написал мне в мессенджере: «Здравствуйте, Кирилл! Я в Калининграде» и прислал несколько фотографий города, снятых на телефон. И это была не первая довольно грустная шутка в истории нашей переписки, потому что он, конечно, ни в каком не в Калининграде, а по-прежнему в Сантьяго-де-Куба, где живёт уже 28 лет с того момента, как мама перевезла его, четырёхлетнего, из Львова. Мама — чрезвычайно интерес-

ный персонаж, урождённая Надя Головачёва, с детства называющая себя Дианой. При смене паспорта на Кубе она приписала к Надежде чёрной ручкой «Диана» через дефис и сказала паспортистке, что первую часть можно в новый паспорт не вписывать, и стала Дианой Роблес. Она знает семь языков, в далёком прошлом две недели была замужем за туркменом, после чего сбежала из Ашхабада, ужаснувшись исламским традициям обращения с женщинами, никогда не вступала в романтические отношения с мужчинами «славянской» внешности, как и многие её одноклассницы, по её словам и удивительному совпадению. В итоге родила от кубинца и в 89-м году переехала в Сантьяго. За что сын Миша до сих пор предъявляет ей претензии каждый день и чего ей не простит, видимо, ещё долго. Потому что через два года, в 91-м, Куба лишилась главного союзника и погрузилась в кризис, из которого не вышла до сих пор. Средняя зарплата — двадцать долларов в месяц, сложнейший визовый режим для въезда в любую соседнюю страну, дефицит продовольствия и т. д. В общем, подобные шутки в фейсбуке — это для Миши чуть ли не единственное развлечение. И довольно дорогое — час интернета на острове свободы стоит около доллара.

Теперь Мигель мечтает уехать работать в Россию, учит язык и копит деньги, продавая сигареты поштучно, смешивая для районных колдырей палёный самогон, работая в мототакси в специальной каске с надписью «El Ruso» и чем только ещё не занимаясь. Но когда ему удастся осуществить мечту, неизвестно: условные 400–600 долларов на билет Гавана–Москва — для кубинцев огромная сумма. А мне остаётся лишь отвечать на его сообщения, холодно-пусто хихикать и чуть ли не плакать.

Как-то мы сидели у них на кухне, в отдалённом от центра районе Сантьяго, где живут семьи военных, и Диана, скучая по родному Львову, спросила, нет ли у меня музыки на русском. Я сказал, что есть немного на плеере, и уточнил, какую музыку любит Миша. Он ответил, что рэп. Самое близкое к рэпу, что было у меня на плеере, это «Гражданская Оборона», её мы и включили на полную громкость, так что было слышно на весь район. Чтобы все знали, что «нетленная душа, бля, вредоносный атавизм», как «пылающей тропой мы идём к коммунизму» и как «порядок в нашем мире будет правильной и проще». В какой-то момент Миша залеп в своём кресле, около двадцати минут глядя в окно с очень серьёзным и задумчивым видом. После чего

подошёл к серванту, разлил самогон по трём рюмкам и молча протянул нам. Мы также молча выпили, после чего повторили процедуру. Кажется, с тех пор в чистых небесах и в глухих лесах Мише улыбается кто-то другой.

А Диана на прощание подарила мне исписанный со всех сторон листок со сленговыми словами и выражениями разных провинций Кубы, которым я не могу здесь не поделиться.

3 декабря

Чакас. Уже привычный подъём в семь, завтрак с Джессикой. К слову, дома мы с ней только завтракаем и пьём чай — у неё просто нет кухни. В свои тридцать шесть она не умеет готовить и никогда этого не делала, о чём сообщает без гордости, но и без сожаления. Можно пошутить, мол, вот до чего феминизм доводит, но, во-первых, в этом, конечно, нет ничего плохого, а, во-вторых, это нельзя назвать сознательным отказом. Говорит: «Сначала училась с утра до вечера, потом работа, студенты, активизм — было не до этого. Сейчас время есть, но, кажется, момент упущен, хотя есть мысль арендовать ещё одну комнату и обустроить там кухню, посмотрим». Кстати, о феминизме. Её бабушка была первой индианкой в посёлке, которая ушла от мужа, и тогда это стало целым событием. В Перу, как и в большинстве стран Центральной и Латинской Америки, по-прежнему сильны патриархальные семейные традиции, что очень напоминает мне Среднюю Азию и в целом мусульманское общество, где незамужних женщин и матерей-одиночек относят к проблемной категории людей, расценивают их поведение чуть ли не как девиантное. Что, впрочем, только усиливает гордость Джессики за двух своих сестёр и нескольких подруг, которые ушли от мужей и воспитывают детей одни. А причины разводов — предсказуемые: домашнее насилие, алкоголизм да и банальное «от погашенных костров ждать тепла нам толку мало».

Ох уж эти семейные ценности — когда работал в кемпинге в Эквадоре, мы часто принимали гостей, и если это были местные, то почти всегда большая семья: несколько машин, три, а то и четыре поколения родственников, собаки, детские коляски, костыли, в общем, шумная и красочная репрезентация ответа на известную загадку Сфинкса. В моей семье элементы чего-то подобного я наблюдал (и, естественно, в них участво-